

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В советской политической системе доминировала организационная тенденция, состоявшая в целенаправленном проведении дифференциации общества по линии отношения к самой власти и ее руководству. В результате возникает особый тип организации – деление общества на сторонников власти и ее активных участников. Данное деление воспроизводится на всех уровнях, внутри партии элита также отделяется от партийной массы, а вождь – от элиты. Социальным результатом данной системы стало создание новой бюрократии, так называемых выдвиженцев или номенклатуры. «Профессиональные политики, – писал М.Джилас, – в иных системах коренным образом отличаются от своих коммунистических собратьев. Первые, в худшем случае, используют власть, чтобы прибрать к рукам привилегии для себя и своих единомышленников или же блюсти в качестве основных, экономические интересы определенных слоев общества. В коммунизме по-другому. Там само правление, сама власть равнозначны владению, пользованию и распространению почти всеми национальными богатствами» [1].

Исследуя советскую политическую систему, американские политологи К.Фридрих и З.Бжезинский определили тоталитаризм как тип общественного устройства, который отличается от других типов – демократии и авторитаризма – следующими признаками: 1) единственная массовая политическая партия, возглавляемая харизматическим лидером; 2) официальная идеология, которую власти распространяют на все общество, на все слои населения; 3) монополия государства на СМИ (так называемую четвертую власть), 4) на оружие; 5) особая система насилия, террора, как специфического средства контроля за политической лояльностью граждан; 6) жестко - централизованная система управления экономикой. Совокупность всех указанных признаков образует тоталитарную систему [2].

По форме тоталитарные системы различаются на правый (фашистский) и левый тоталитаризм. «Важнейший признак левого тоталитаризма – логика отношений собственности, ликвидация частной собственности и частных правовых отношений. Экономическая жизнь ставится под жестко-централизованный контроль государства, а это значит, что правящая элита становится также и экономически привилегированным классом, самым монолитным, воспроизводит доцивилизационный феномен «власть-собственность». Монолитность элиты проявляется в отсутствии (или сглаживании) различия между административной и политической элитами. Чиновник (советский служащий по советской терминологии) в условиях левого тоталитарного режима не может даже думать с сугубо теоретической точки зрения находиться вне политики, которую разрабатывает и проводит в жизнь монополично-правящая партия. Но эта же политическая структура обеспечивает организационные рамки, позволяющие монолитной элите («номенклатуре») осуществлять контроль над обществом» [3].

Так советская система выросла в эпоху модернизма. Это обусловлено тем, что тоталитарные структуры и институты советской системы в различных регионах СССР, в том числе в Казахстане и Кыргызстане, выступали в специфической форме, с большей или меньшей примесью предшествующих фаз исторического развития. С этим связано и то, что на одной и той же социально-экономической базе, предельно централизованной экономике, сложились различные политические системы.

Возникновение, развитие и гибель советской тоталитарной системы – это самый сложный и многофакторный процесс. Его анализ никак не укладывается в парадигму монотерминированности и не изменяемой однонаправленности исторического движения. Сегодня наука оперирует многофакторным, вероятностным определением

социо-культурного процесса. В настоящее время, в категориях вероятности и случайности описывает жизнь социальных систем синергетическая концепция Брюссельской школы, - лауреата Нобелевской премии И.Пригожина. Ее с полным основанием можно рассматривать в качестве принципиально нового уровня системного подхода, связанного с изучением самоорганизации систем как таковых, будь это явление неживой природы, организма или человеческого сообщества.

Подходы классической современной западноевропейской науки и синергетики к пониманию природы изменений как таковых, где бы они ни происходили, принципиально различны. Первая, - изучая мир, в котором любое событие заведомо определено первоначальными условиями. Синергетика же принципиально отбрасывает однозначную запрограммированность развития начальными условиями и придает большое значение спонтанности и случайности. Она исходит из того, что системы по своей природе находятся преимущественно в состоянии неустойчивого равновесия не только в силу внешних обстоятельств, но и ввиду спонтанных изменений в них самих. Незначительные, сперва малозаметные отклонения от «нормы» могут привести со временем к кардинальным изменениям.

В результате система даже без существенных воздействий извне периодически оказывается в полосе нестабильности – в «точке бифуркации», где любая мелочь может иметь непредсказуемые последствия именно потому, что базовые принципы системы уже не срабатывают, а новые еще не сформировались. Поэтому, как подчеркивают И.Пригожин и И.Стенгерс, в «точке бифуркации» принципиально невозможно предвидеть, в какое состояние система перейдет. Случайность и спонтанность проявления дезинтегрированных элементов подталкивает то, что осталось от системы, к чему-то новому. Однако после того, как путь (один из возможных) выбран, снова в свои преимущественные права вступает детерминизм – до того момента, когда эта уже новая система не окажется в новой полосе спонтанных изменений [4].

Так, после смерти Сталина и особенно XX съезда КПСС, когда Хрущев своей критикой сталинизма десакрализировал не только его, но и сам институт генерального секретаря ЦК КПСС и правящей партии, начались такие флуктуации (от лат. fluctus – колебания, употребляется в физике) системы, что серьезно изменилась сама природа тоталитарного режима. Было покончено с массовым террором. Ослаб контроль над духовной и политической жизнью общества. С одной стороны, результаты оказались благотворными для общества (но не для государства), так как было покончено с атмосферой страха, с постоянными чистками и репрессиями, но с другой – из политической системы ушел сильный харизматический лидер (диктатор), противостоящий номенклатуре и бюрократическим структурам, что ликвидировало последний источник институционального конфликта, способного динамизировать социальную систему. В итоге воцарилось синергетическое состояние неустойчивого равновесия, что было чревато дальнейшей деградацией и разложением всей социокультурной системы советского общества.

После смерти диктатора на смену пришло так называемое коллективное руководство, во главе которого по-прежнему стоял Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии и который уже не играл той роли в иерархии высшего партийного эшелона, как в свое время Сталин. Как известно, тайна тоталитарной власти состоит в том, что она доводит до предела отчуждение народа от власти и собственности и является неделимой ценностью. А когда ею делятся, ее перестают уважать. Смерть Сталина разделила власть на части. Она стала яблоком раздора во вновь образовавшемся треугольнике противоречий – государственный аппарат (Маленков, Булганин), партийный аппарат (Хрущев Н.), карательные органы (Берия). Падение Л.Берии и его арест 26 июня 1953 года произошли в результате договоренности между Маленковым и Хрущевым, связанными, к тому же, тесными, личными и дружескими контактами.

Едва ли не самым важным политическим итогом Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 2-7 июля 1953 года и обсудившего вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии», стало подтверждение партийного руководства над всеми сферами жизни общества. Попытка разграничить полномочия партийных и государственных властей расценивалась как проявление «вредительской» антигосударственной и антипартийной деятельности Берии». И хотя участники тогдашнего Пленума подчеркивали особую роль Маленкова в партии, результатом его стало именно усиление роли Первого секретаря ЦК КПСС, пост которого получил Н.Хрущев. Естественно пользуясь этим мощным статусом, Хрущеву все же удалось отстранить сильного соперника в борьбе за власть Маленкова от должности Председателя Совета Министров СССР – ключевой в тогдашней политической системе – и назначить вместо него Н.Булганина.

Парадоксально, но факт – снова завладев фактически единоличной властью, Хрущев начал свою политическую деятельность с разоблачения культа личности Сталина. Доклад Н.Хрущева на XX Съезде КПСС уничтожил однозначность оценок роли партии в истории страны. Разрушение одномерности в восприятии прошлого, отход от канонов сталинского краткого курса истории ВКП(б), породили взрыв критичности и разборчивости в политических оценках людей. И в обществе, и в правящей партийно-государственной сфере возникли две противоположные позиции по отношению к Сталину и сталинизму вообще, что сохранялось вплоть до крушения самой Коммунистической партии СССР. «Произошла десакрализация власти. Хрущев лишил ее ощущения недоступности и признания за ней той высшей мудрости, которую прежде за этой властью признавало большинство граждан страны... Любимый герой бесчисленных анекдотов Н.Хрущев не воспринимался ни как мудрый, ни как страшный. Скорее он раздражал своей назойливой дидактикой, стремлением найти совсем простые решения сложных вопросов. Ему перестали верить и не хотели его поддерживать» [5]. При всем притом надо отдать ему должное: концентрируя в руках огромную личную власть, он не превратился в тирана, не прибегал к террору и насилию.

После свержения Н.Хрущёва к власти пришел Л.И.Брежнев, который правил с 1964 по 1982 годы. Период его властвования пронизан отчаянной попыткой власти недопустить, во что бы то ни стало разрушения системы социализма. «Л.Брежнев и Политбюро ЦК, как всем предыдущим лидерам, начиная от В.Ленина и кончая Н.Хрущевым, была глубоко чужда сама мысль об объективности цивилизационного процесса, о пределах возможностей личностей, классов и партий вмешиваться в его ход. Они так и не поняли, что все преступления прошлого, все трудности настоящего и ужесточающиеся проблемы будущего коренятся именно в идеологии руководства, в праве произвольно направлять и исправлять историю. Хотя именно марксизму принадлежит положение об объективных законах и естественности развития. А живая реальность, чем дальше, тем больше опровергала декларируемую необходимость и состоятельность советского псевдосоциализма как общественно-политической системы» [6].

При Л.И.Брежнев идеологическая стужа превращается в бурю недовольства самых различных слоев населения существующим строем. Страну захлестнула самиздатовская антисоветская и антипартийная литература. Едва ли не центральной темой политического протеста становится борьба за права человека, за демократию, причем не социалистического, а западного типа. Развернулось диссидентское движение, появились правозащитные организации. Контроль партийного аппарата стремительно слабел, он все заметнее трансформировался в контроль ведомственных и местных интересов над самой партией, пустила ростки отраслевая и региональная мафиозность. С начала 70-х годов XX века ведомственные интересы захлестнули и ЦК КПСС. Власть ведомств оказалась настолько сильной, что даже в период перестройки они часто скрывали опасную для них информацию даже от Политбюро ЦК и Президента СССР. Вольница кадров, произвол руководства в центре и на местах нарастали. Процветало взяточничество, коррупция,

злоупотребления как корыстного, так и разгильдяйского характера, выгодная многим бесхозяйственность.

Наиболее уязвимыми, оказались в итоге позиции партийного аппарата. Его полезная функция сводилась преимущественно к тому, чтобы служить ширмой для действий хозяйственников, военных, органов безопасности. Сложился удивительный механизм взаимоотношений между партийным аппаратом и всеми другими ведомствами и организациями. Последние писали просьбы в ЦК поддержать то или иное предложение. В ЦК рассматривали и решали – положительно или отрицательно. При положительном решении ведомства разрабатывали свои постановления детального и конкретного характера. Всем было удобно: - партийный аппарат демонстрировал власть, а ведомства прикрывали все свои действия решениями ЦК, который был неподсуден и недосягаем. Все это вместе порождало безответственность и круговую поруку. К тому же формальное закрепление в Конституции руководящей роли КПСС шло параллельно с упадком личностных возможностей генеральных секретарей. А по мере фактического перераспределения власти другие участники триумvirата были все менее заинтересованы в «твёрдой руке». В ноябре 1982 года скончался Л.Брежнев, который олицетворял целую эпоху истории страны, привычно называемую «периодом застоя».

Когда в 1985 году М.С.Горбачев пришел к власти и стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, страна стояла, по существу, на пороге великой экономической и политической депрессии. Плановая экономика глубоко забуксовала (дефицит, карточная система и т.д.). Стремительно падал жизненный уровень населения. К этому можно добавить еще много негативных факторов социального, морального и психологического порядка, а также внешний фактор разворачивавшейся в тот период (1988 – 1989 гг.) в странах Восточной Европы, конфронтации с Западом и проблема Афганистана. Все эти и другие факторы (реформы, проводимые М.Горбачёвым), оказали в дальнейшем решающее воздействие, как на судьбу стран «социалистического лагеря», так и на дальнейшую судьбу Советского Союза и самого М.Горбачева.

В СССР концепция представительного института, существенно отличалась от классической парламентской модели. Согласно советской Конституции: «Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР» [7]. Фактически же высшим органом власти в стране был Центральный Комитет КПСС и его Политбюро. Почему же это произошло? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратим свое внимание на теоретические работы Ленина, посвященные проблеме государства и государственной власти («Государство и революция»), где он прямо противопоставляет систему Советов, как форму диктатуры пролетариата, представительным демократическим институтам, как форме диктатуры буржуазии. Так как советы, по определению, создаются рабочими промышленных предприятий, пролетарский характер Советской власти гарантирован. Советы представлялись ему учреждениями, с помощью которых эту власть будет проще установить и удержать, где большевики должны были осуществлять власть от имени пролетариата и обеспечивать его интересы. Представители других партий на эту роль не годились и должны были из Советов уйти или быть изгнанными.

Но, почему нельзя было добиваться большинства в Парламенте теми же методами, что и в Советах? Парламент не устраивал большевиков не только тем, что в его стенах им труднее было получить большинство. Их не устраивали парламентские процедуры, поскольку эти процедуры противоречили установке на партийное руководство массами. Ведь весь замысел строительства социализма рушился, если судьба преобразований ставилась в зависимость от исхода тех или иных выборов, того или иного голосования в Парламенте. Поэтому большевики, добившись большинства в том или ином представительном органе, старались превратить его в такое же декоративное учреждение, в какое превратились Советы. В конце концов, Конституция 1936 года изменила избирательную систему и формально преобразовала Верховный Совет в двухпалатный

парламент со всеми атрибутами представительного института, хотя его истинное место в политической системе советского общества не претерпело существенных изменений, то есть было чисто символическое.

Поскольку эволюция такого рода в ретроспективе представляется более или менее неизбежной, неизбежны были и вытекающие из этого следствия институционального характера. Во-первых, в этих условиях система партийного господства довольно быстро обрела легитимность. Этот процесс завершился к середине 1920-х годов. И если Хрущеву еще приходилось вести дипломатическую борьбу – за статус главы государства, то во времена Брежнева, Генеральный секретарь ЦК партии признавался таковым независимо от того, занимал ли он государственный пост соответствующего ранга или нет. Во-вторых, сама компартия из политической партии быстро превратилась в чисто административную структуру и стала в теории и на практике – стержневым элементом политической системы, реальным инструментом управления страной.

В свою очередь, это влекло за собой установление однопартийной системы. Запрет на деятельность всех других партий был логическим следствием того, что после легитимизации, партийное соперничество было уничтожено. И приход к власти альтернативной политической партии необходимо предполагал установление контроля над аппаратом партии – правящей, то есть был мыслим лишь в качестве внутрипартийного переворота. Столь же логичным было в этих условиях и выхолащивание тех – и без того немногочисленных – элементов внутрипартийной демократии: внутри административного аппарата для институционализированной оппозиции места нет и быть не может. В-третьих, вследствие вышперечисленного, в стране сложилась система номенклатуры, при которой постоянный партийный контроль за выдвижением и назначением, практически на все сколько-нибудь влиятельные посты и должности во всех сферах государственной и общественной деятельности, мог обеспечить отлаженное функционирование механизмов власти.

К тому же в основу советского массового политического сознания была положена идея о гегемонии пролетариата, которому нечего терять, кроме своих цепей и который, преследуя свой классовый интерес, не только уничтожает себя как класс неимущих наемных рабочих, но и тем самым устраняет навсегда само деление общества на классы. С ликвидации такого деления реализуется идеал народного единения и легитимизируются соответствующие ему политические институты. В рамках этих институтов несогласие с мнением большинства, есть не просто естественное состояние, а именно демонстрация несогласия и отсутствие единства. Такое поведение депутатов неприемлемо, ибо разрушает миф о монолитном единстве советского народа, сплотившегося вокруг компартии. Депутат должен понимать, что голосуя против, он противопоставляет себя не сторонникам предлагаемого решения, а всему народу. Потребовалось больше 30 лет после сталинских репрессий, прежде чем в советском парламенте нашелся депутат, который выразил свое несогласие с предложенным решением. Это был академик Сагдеев.

Как известно, руководящая роль партии была отражена в Конституции СССР 1977 года (ст.6), где было записано: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций, является Коммунистическая партия Советского Союза». С этим связано, что все принципиальные государственные вопросы, прежде чем вынести их на Верховный Совет, обсуждались и одобрялись на Пленуме ЦК КПСС, а перед Пленумом – на Политбюро. Иначе говоря, «Верховный Совет, будучи формально «высшим органом власти», фактически выполнял технические функции по утверждению подготовленных для него документов. Формально он одобрял и указы, принятые Президиумом Верховного Совета СССР в период между сессиями, но без одобрения Политбюро ЦК КПСС они не могли появиться на свет» [8].

Депутат Верховного Совета, конечно, был представителем народа, но не столько потому, что он представляет своих избирателей, сколько потому, что он

член учреждения, которое в целом «представляет» народ – замещает его в непосредственном взаимодействии с властью. В качестве такового Верховный Совет сам на власть не претендует, делая вид, что внутри народа и общества никаких конфликтов нет, тем самым поддерживая миф о монолитном единстве советского народа, сплотившегося вокруг Коммунистической партии, в борьбе за общее дело.

Этому мифическому отсутствию конфликтов, между социальными группами советского общества, советская политическая система обязана институту наказа. Наказ избирателей «по-советски» - это поручение, от которого он теоретически не имеет права отказаться, потому что наказ не может противоречить убеждениям депутата, ибо между народом и его представителем никаких противоречий не может быть. А если они есть, то депутат просто не вправе «представлять» народ. Конечно, в ряде случаев наказания действительно выполнялись, но, по существу, сути дела не меняли.

Перемены, начавшиеся в стране с приходом к власти М. С. Горбачёва, постепенно набирали темп, затронув, наконец, и систему органов политической власти. Представительные институты, роль которых в течение длительного времени была скорее декоративной, в новых условиях обрели новые функции и превратились в фокус политической борьбы. Наглядным примером тому служит недолгая история Съездов народных депутатов СССР.

19-ая Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, состоявшаяся летом 1988 года, провозгласила начало радикальных конституционных реформ в СССР. Но этим переменам в обществе предшествовал первоначальный этап политических инноваций, такой, как «гласность» и «перестройка». Ведь на протяжении всех 70-лет советской власти, монополия на СМИ оставалась одной из основных черт политической культуры советского общества и главной опорой коммунистического тоталитарного режима. Это было естественным следствием того тотального контроля, который Советская власть осуществляла над печатью, радио, телевидением, равно, как и над всеми остальными сферами общественно – политической жизни. Ослабление этого контроля привело к тому, что принадлежавшие государству и правящей партии органы СМИ, превратились в органы политической оппозиции.

Причина была в том, что к середине 80-х годов диссидентские настроения, нараставшие на протяжении нескольких десятилетий, охватили активную часть интеллигенции (Солженицын, академик Сахаров и др.) К тому же престиж власти неудержимо падал, недовольство режимом захватило практически все слои населения. Даже значительная часть элиты находилась под воздействием оппозиционных веяний. Унаследованная от прошлого монополия на средства массовой информации, превратила, таким образом, интеллигенцию в доминирующую оппозиционную силу. Но, по-прежнему, значительная часть СМИ оставалась под эффективным контролем КПСС.

Легитимность коммунистического режима «таяла на глазах». Нарастающие экономические трудности и обострившиеся на их фоне социальные противоречия, вкупе с неспособностью властей найти приемлемый выход из создавшейся ситуации, поставили под вопрос не только мудрость партийного руководства, но и его приверженность «интересам всего трудового народа». Известный тезис «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» вызывал только насмешки и раздражения. Отсюда отчуждение власти от народа утвердилось в массовом сознании как самоочевидный факт, что резко ограничило её возможности манипулировать этим сознанием. Для этого снова «завучала революционная риторика: «Революция продолжается, революционный дух начатой перестройки – это живое дыхание Октября» [9].

С институциональной точки зрения, основное нововведение, предусмотренное реформой, заключалось в создании постоянно действующего представительного органа

государственной власти – двухпалатного Верховного Совета СССР. Учреждение с таким названием существовало и прежде, но старый Верховный Совет собирался два раза в год на 1-2 дня, и как мы отмечали выше, утверждал подготовленные партийными органами документы. Такой механизм работал и отрабатывался десятилетиями, пока в эту сферу не вмешались преобразования, начатые М. С. Горбачёвым.

Литература:

1. Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992.(- 539с.). - С.312
2. Carl J. Friedrich and Zbigniew K. Bzezinski. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. - 2ded. – New - York: Praeger, 1966; Raymond Aron: Democracy and Totalitarianism // Ann Arbor. - 1990. - P. 231-320.
3. Балгимбаев А. С. Саясаттану – Политология: Учебное пособие.- Часть I.– Алматы: Полиграфия, 2003. - С.237
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Мысль, 1988. – 120с.
5. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. - М.: Аспект Пресс, 1998. - С.273 -274.
6. Сааданбеков Ж.Авторитаризм и демократия на Востоке. – Астана: Фолиант, 2003. (- 392с.). - С.156
7. Конституция СССР. - М.: Полит. литер., 1978. -С.108.
8. Назарбаева Д. Н.Демократизация политических систем СНГ. – Алматы.: Билим, 1997. (- 304с) - С.111
9. Горбачёв М. С. Избранные речи и статьи: Выступление по советскому телевидению 31 дек. 1986. - М.: Политиздат, 1987. - С.275.